

Владимир Шулятиков

**Критические этюды (о
Бердяеве)**

Владимир Михайлович Шулятиков

Критические этюды (о Бердяеве)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=662205*

Аннотация

«Русская интеллигенция опять переживает переходную эпоху, опять стоит на распутье. Развенчиваются кумиры, в которых недавно так пламенно веровали. Недавно выработанное миросозерцание объявляется несостоятельным во многих отношениях. Производится коренной пересмотр его предпосылок. «Истине девяностых годов» перестают служить с восторженной преданностью. Материализм теряет в глазах интеллигентов свое обаяние. Интеллигенты начинают возвращаться к тому, что, казалось, бесповоротно было отвергнуто материалистической критикой. Возрождаются старый романтизм и романтический идеализм. ...»

Содержание

Владимир Михайлович Шулятиков Критические этюды (о Бердяеве)

Русская интеллигенция опять переживает переходную эпоху, опять стоит на распутье.

Развенчиваются кумиры, в которых недавно так пламенно веровали. Недавно выработанное мирозерцание объявляется несостоятельным во многих отношениях. Производится коренной пересмотр его предпосылок. «Истине девяностых годов» перестают служить с восторженной преданностью. Материализм теряет в глазах интеллигентов свое обаяние. Интеллигенты начинают возвращаться к тому, что, казалось, бесповоротно было отвергнуто материалистической критикой. Возрождаются старый романтизм и романтический идеализм. Раздаются голоса, проповедующие о необходимости воскресить метафизику. Искусство заражается иррациональными настроениями. Вновь различные индивидуалистические течения начинают завоевывать себе права гражданства. Создаются теории, пытающиеся узаконить индивидуализм и романтический идеализм, примиривши их с враждебными им направлениями, введя их в обиход обществен-

ных наук. Одним словом, совершается резкий культурный перелом.

Что же случилось? Что означает этот перелом? Чем он вызван?

Этот перелом означает, что современные прогрессисты обратили особенное внимание на свои собственные интересы, интересы интеллигенции, почувствовали потребность сделать более полной свою собственную жизнь, расширить рамки своего собственного существования, воспитать и развить свою личность.

Несколько лет тому назад собственные интересы отодвигались передовой интеллигенцией на задний план. Интеллигенция как бы забывала о себе, о своем собственном существовании. Среди прогрессистов пользовался большой популярностью взгляд, согласно которому интеллигенция не признавалась за особую общественную группу и отрицалась возможность для нее играть самостоятельную роль в ходе исторического прогресса. Интеллигенция жила исключительно интересами других общественных групп, интересами народа, интересами обездоленных и униженных. Но это был благородный альтруистический подвиг с ее стороны, который вскоре оказался не под силу очень и очень многим прогрессистам.

Дело в том, что в продолжение девяностых годов быстро росли и формировались ряды интеллигенции. Интеллигентный труд получил особенно широкое развитие. Интеллиген-

ция поставила на первую очередь вопрос своего собственного труда. У интеллигенции явились свои собственные интересы. Интеллигенция начала сознавать себя обособленной общественной единицей.

Никогда раньше русская литература так много не занималась изображением своего собственного быта, как именно в девяностые года, никогда раньше изображение этого быта не отличалось такой полнотой, никогда литература не охватывала так широко различных слоев интеллигентного общества, начиная с «передовой» интеллигенции и кончая интеллигенцией, всецело погруженной в профессиональные интересы¹.

В то же время сами условия интеллигентного труда, его особенности заставляли интеллигенцию выработать своеобразный взгляд на отношения между нею и теми людьми, от кого она экономически зависела. В основу этих отношений лег психологический момент.

Интеллигенты, очутившиеся на службе у «хозяев исторической сцены», прежде всего, заговорили об умалении своей «человеческой сущности», о том, что механический труд убивает в них личность, уменьшает жизнеспособность их душевных сил, обращает их из живых существ в машины, из «целых людей» – в «дробь». Интеллигенты начали страдать

¹ См., напр., «Записки врача» Г. Вересаева, некоторые романы г. Потапенко, а также произведения г. Гарина (Михайловского). – *Прим. В. Шулятикова*. Вересев Викентий Викентьевич (1867–1945), Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929), Гарин-Михайловский Николай Егорович (1852–1906) – русские писатели.

не столько от тяжести труда, сколько от его «пустоты»². В «хозяевах исторической сцены» они увидели, прежде всего, людей, посягающих на их душевный мир, прежде всего, носителей грубо-материалистического, торгашеского начала, замораживающего человеческую душу. И с этой точки зрения, вся разношерстная «буржуазная толпа» слилась в их глазах в одну сплошную серую массу, среди которой все – «буржуй» и «буржуа», предприниматель средней руки и крупный капиталист приняли образ «мещанина-филистера». Везде вокруг себя интеллигенты увидели царство грубого филистерства. Гипноз этого филистерства, этого «лавочного материализма» они сочли худшим из всех возможных бедствий. Они почувствовали себя совершенно подавленными отовсюду грозившим филистерством, они почувствовали себя совершенно одинокими людьми, затертыми серой массой, они назвали себя томящимся в неволе «диким конем», который тоскует о свободе и рвется туда, «где блещет степь и луг»³.

Интеллигенции была поставлена новая задача: освобо-

² Так характеризовал отношение интеллигентов к труду на службе у буржуазии еще Гл. Успенский (см. собр. сочин., т. II, 264 стр.). – *Прим. В.Шулятикова*. Успенский Глеб Иванович (1843–1902) – писатель-народник, автор сборников рассказов «Власть земли», «Нравы Растеряевой улицы».

³ См. стихотворение Андрея Колтоновского: «В конторе». (В сборн. его стихотвор., стр. 105). – *Прим. В.Шулятикова*. Колтоновский Андрей Павлович (1862–1934) – поэт. Печатался в журналах «Русское Богатство», «Вестник Европы», «Мир Божий».

дить свою душу от посягательств на нее филистерства и «мещанского» материализма, освободить в себе «истинное и неизменное» начало», свое личное я, существующее вне времени и пространства» и не принадлежащее ничему и никому – ни «конторе», ни «службе», ни буржуазному обществу. Но каким путем совершить это «великое моральное освобождение»? Как соединить эту новую задачу, с другими священными задачами интеллигенции?

Искушение было велико: требовалось особое «гражданское» мужество, чтобы не счесть эту новую задачу за ближайшую, важнейшую задачу интеллигенции, чтобы стать выше односторонних забот о самосохранении. У многих «гражданского» мужества вовсе не оказалось, а моральное самоосвобождение сделалось единственной целью их жизни: к числу их принадлежат, например, русские ницшеанцы и отчасти декаденты. Многие остановились на полпути: не отказываясь служить интересам народа, оставаясь прогрессистами, они, в то же время, на первый план выдвинули защиту своих собственных интересов, интересов интеллигентной личности. И в деле защиты интересов своей личности им пришлось заявить себя проповедниками романтического идеализма.

С сущностью этого романтического идеализма знакомит статья г. Николая Бердяева⁴ «Борьба за идеализм», поме-

⁴ Бердяев Николай Александрович (6 (18).3.1874–24.3.1948) – философ, литератор, публицист, общественный деятель. Увлекался идеями марксизма и нео-

ценная в июньской книжке «Мира Божьего»⁵.

Свое profession de foi (*Идеология, мировоззрение (франц.)*.) борец за идеализм излагает в следующих выражениях:

Прежде всего и больше всего идеалисты должны настаивать на том, что нравственное совершенство есть цель человеческой жизни, что совершенствование выше всякого довольства. Пора также расстаться с тем софизмом, который видит высшее проявление в пожертвовании собственной душой во имя блага других. Жизнь свою можно, а иногда и

кантианства, примыкал к так называемому «легальному марксизму». В 1897 году за участие в студенческих волнениях был арестован и исключен из университета, в 1900–1902 провел в ссылке в Вологде. В эти годы отходит от марксизма и обращается к русской религиозной философии, соединяя ее со средневековой мистикой Каббалы, идеями Я. Беме и М. Экхарта, христианской антропологией Фр. Баадера, нигилизмом Фр. Ницше и современным оккультизмом. Центральным стержнем своей философии он делает идею творчества как откровения человека и продолжающегося совместно с Богом творения. Б. явился одним из создателей широко известных сборников «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). Свои идеи изложил в трудах «Духовный кризис интеллигенции» (1910), «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества» (1916), «Судьба России» (1918), «Смысл истории» (1923). В 1922 году был выслан из России. В эмиграции опубликовал работы «Новое средневековье» (1924), «Философия свободного духа» (1927), «О назначении человека» (1931), «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), «Русская идея» (1946), «Самопознание» (1949).

⁵ «Мир Божий» (1891–1906, Петербург) – ежемесячный литературный, политический и научно-популярный журнал радикально-демократического направления, где пропагандировались социологический подход к литературе, мысль об общественном пафосе произведений. Эстетическую платформу журнала определяли публицист и литературный критик А.И. Богданович.

должно отдать, но душу свою нельзя отдать ни за что на свете. Только духовно развитая и совершенная душа может быть настоящим борцом прогресса, может вносить в жизнь человечества свет истины, добра и красоты, каждая человеческая личность, не забитая и не окончательно пришибленная, должна сознавать свое естественное право на духовное совершенствование, право свободно творить в своей жизни абсолютную истину и красоту. Вульгаризация духа есть величайшее нравственное преступление.

Интеллигентный индивидуализм г. Бердяева выражен как нельзя более ярко: выше всего на свете он ценит «духовно развитую и совершенную душу»; величайшей неправдой считает принесение ее в жертву во имя чего-нибудь или кого-нибудь, ход прогресса направляется единственно развитыми личностями. Он – «аристократ духа».

И в картине современной жизни г. Бердяева особенно сильно угнетает «пришибленное» состояние личности. Как на коренной недостаток новейшей эпохи истории, он указывает на то, что эта эпоха «знаменуется понижением психического типа человеческой личности, сужением ее духовных горизонтов». Культурная «буржуазность», обесцвечивающая жизнь и понижающая уровень человеческой личности, по его мнению, была таким же великим несчастьем XIX столетия, как и буржуазность, понимаемая в экономическом смысле.

Разлагающее влияние культурной буржуазности неизме-

римо; г. Бердяев видит его всюду: он отмечает, что этим влиянием заразились даже прогрессивные общественные элементы: «Я настойчиво это утверждаю, – прибавляет он, – хотя мои слова прозвучат страшной ересью и парадоксом». И он доказывают свою мысль следующим образом: тяжелая борьба за жизнь, которую вели прогрессивные общественные элементы, заставляла их заботиться лишь о достижении минимума человеческого существования и это «сузило горизонты личности»: в подобную эпоху «не могло быть человека – самоцели», личность не могла устремлять взоры в духовную даль. И так как «по условию исторического момента» прогрессивные общественные элементы употребили все свои силы на выработку материальных средств, то «по психологически понятной иллюзии средства были приняты за цели, сами цели человеческой жизни были приняты слишком материально». Прогрессисты лишены были возможности возвыситься над культурной буржуазностью. По своим взглядам на жизнь и мир, они оказались прямолинейными материалистами. «Их духовный кругозор ограничен. Идеалисты по своей главной задаче – они борются против всякого идеализма. Они усвоили себе материалистически-эволюционную точку зрения и стали во враждебное отношение к «метафизике, к художественному идеализму и романтизму, к абсолютной нравственности». Но теперь, по мнению г. Бердяева, пора поправить ошибку, отделаться от психологической иллюзии: прогресс общественных отношений достиг

такого высокого уровня, что явилась возможность заботиться уже не об одном «минимуме человеческого существования». Очевидно, скорбь г. Бердяева по «пришибленной личности» слишком велика, и слишком велико его нетерпение скорее приняться за «ближайшую задачу» интеллигенции, за моральное освобождение человеческой души: они отняли у него способность критически разбираться в фактах действительной жизни и заставили его приписать текущему историческому моменту то, чего ему, на самом деле, не достаёт.

Не иначе, как теми же эгоистическими чувствами «интеллигентской» души, можно, конечно, объяснить и высказанную им «страшную ересь и парадокс» – наивно опрометчивое обвинение в «буржуазности», кинутое в лицо прогрессистов. Те же эгоистические чувства, далее, продиктовали ему протест и против полновластия реалистически-эволюционного взгляда на жизнь и исторический прогресс.

Эволюционный взгляд на жизнь, как г. Бердяев категорически заявляет, мешает человеку наполнить свою душевную жизнь «возвышенным содержанием и смыслом», отнимает у души «полноту ее жизненных переживаний».

Эволюционист сейчас вам начнет показывать, как развивалось познание от зоологического состояния до вас и кончит тем, что признает идею истины, абсолютно ценную для вас, как живого, ищущего существа, лишь полезной иллюзией, он произведет химический анализ и от ценного переживания, составляющего интимную природу вашего духа, не

останется ничего. Таким образом, может получиться научное положение, но оно получится некстати, так как о нем в данный момент вы не спрашиваете, им вы в другой раз не интересуетесь... В тот момент, когда вы устанавливаете самостоятельно качество добра в вашей душе, признаете его абсолютную ценность и служите ему, вы совершаете величайший акт вашей жизни. Но вот приходит эволюционность, зовет вас назад к исследованию моллюсков и предлагает вам немедленно показать, что все, что вами переживается, как святыня, есть лишь полезная иллюзия в борьбе за существование, что нравственное сознание разлагается на какие-то частицы, не имеющие ничего общего с нравственностью, и что все это неопровержимо доказывается уровнем нравственных идеалов рыб...

Точно также эволюционизм разрушает, по мнению г. Бердяева, иллюзию красоты. «Развитая человеческая душа созерцает красоту и восторгается ею, она чувствует, что красота есть великая сила – и переживает чувство красоты». Красота возвышает развитую человеческую душу «над житейской пошлостью». Но... опять «некстати» приходит эволюционист, который не знает красоты, как возвышающей нас ценности, разлагает красоту на молекулы и показывает, как чувство прекрасного шаг за шагом развилось из животного мира.

Так, приход злополучного эволюциониста отравляет лучшие моменты жизни г. Бердяева, не позволяет ему всецело

отдаться стремлениям к добру, истине и красоте». «Искатель истины», г. Бердяев выдает себя за такового, в сущности, обнаруживает, насколько слабы и неосновательны его стремления к истине.

Можно, конечно, стоять за то, что в тот или другой данный момент всякие научные исследования не своевременны, что человек должен отдаться исключительно практической деятельности, откликнуться на голос общественных нужд. Против подобной точки зрения ничего нельзя возразить. Но г. Бердяев вовсе не держится подобной точки зрения. Напротив, он считает текущий момент, как нельзя более удобным для спокойного всестороннего самосовершенствования человека. Безбоязненное исследование истины заключается в понятии этого самосовершенствования. Но г. Бердяев, тем не менее, ощущает панический страх перед приходом эволюциониста. Иначе нельзя назвать его отношения к «истине». Разве мы не имеем перед собой примера целого ряда известных искателей истины (вроде Гельмгольца⁶), в глазах которых эволюционный метод не только не убивал поэзии жизни, но даже увеличивал «абсолютную ценность человеческих переживаний».

А панический страх г. Бердяева перед полновластием эволюционной истины объясняется, в свою очередь, ничем

⁶ Гельмгольц Герман фон (31.8.1821–8.9.1894) – немецкий физик и психолог, автор трудов по физиологии зрения и слуха. Основатель психологии чувств, в которой физиологические ощущения рассматривались как действия, вызываемые внешними причинами в органах чувств.

иным, как утрированным, болезненным эгоизмом «пришибленной» интеллигентной личности, стремящейся слепо к полноте жизненных переживаний и не желающей поступиться ни малейшей лишней частицей своего «я», лишней частицей тех чувств и настроений, которые могут доставить хотя бы призрачное удовлетворение этому «я».

И ради этого призрачного удовлетворения интеллигентного эгоизма г. Бердяеву приходится очень многим жертвовать. Прежде всего, в жертву «интеллигентному» эгоизму ему приходится принести строгую научность.

Несмотря на сделанные им возражения против полновластия эволюционного и материалистического метода, он объявляет себя сторонником материалистического толкования истории, даже более того, признает это толкование единственно верным. Для того чтобы подобный взгляд примирить с дорогой ему идеей «абсолютной нравственности», ему приходится прибегнуть к иррациональным доводам. Он обращается к метафизической литературе, заимствует свои доказательства у немецких неокантианцев. Он принимает известное учение о нравственности Канта⁷ благодаря чему впа-

⁷ Кант Иммануил (22.4.1724–12.2.1804) – родоначальник немецкой классической философии, создал философскую систему, именуемую чаще всего трансцендентальным идеализмом, центральной задачей которой стал вопрос нахождения всеобщих и необходимых оснований человеческого познания, гуманистических ценностей и свободы личности. Основополагающей в его философии становится мысль о том, что всеобщее и необходимое знание не может вытекать из опыта, поскольку он всегда не полон. Ввел термины трансцендентное (для обозначения того, что находится за пределами сознания и непознаваемо) и транс-

дает в непримиримое противоречие с самим собой: убежденнейший противник всякого бюрократического начала, он преклоняется перед кантовским понятием о нравственности, перед этой «высшей формулой «мелкобуржуазной нравственности». Заметим в скобках, кантовская мораль – не мораль в широко альтруистическом смысле этого слова, а «холодная, формальная мораль»⁸.

Увлечшись, далее, метафизическими формулами идеализма, он с особой горячностью проповедует возвращение к философии Фихте⁹ к его смелой апологии индивидуализма

цендентальное (то, что внутренне присуще сознанию и познаваемо). Этика Канта основана на понятии долга – категорическом императиве. Как личность, человек стоит ниже законов природы, находясь под влиянием внешнего мира, но как индивидуальность, он свободен и следует только своему практическому разуму. Моральным поступком делают не стремление к счастью, достижению каких-либо благ или любовь, а только уважение морального закона и следование долгу. Этика долга дает человеку уверенность в свободе морального поступка и бессмертии, но в жизни он не должен рассчитывать на вознаграждение за свою моральность, зато получает уверенность в Боге как гаранте моральности и награды за нее. Эти идеи изложены в «Критике чистого разума» (1781), «Критике практического разума» (1788), «Критике способности суждения» (1798).

⁸ См. прекрасную книгу А. Богданова: «Познание с исторической точки зрения», ст. 199. См. тоже несколько иное, но также реалистическое объяснение кантовского учения о морали у Дюмона (*La Morale basée sur la démographie* (Мораль, основанная на данных науки о народонаселении), стр. 48. – Прим. В. Шулятикова. Богданов Александр Александрович (1893–1928) – поэт, прозаик, публицист. Член РСДРП с 1900, Дюмон Арсен М. (1849–1902) – французский философ, антрополог, демограф. У него есть также работа «Депопуляция и цивилизация».

⁹ Фихте Иоганн Готлиб (16.5.1762–27.1.1814) – немецкий философ, представитель немецкого классического идеализма. Для философской деятельности Фих-

и к его формуле прогресса. «Прогресс есть движение сущего по направлению к должному, есть торжество должного в сущем. Другого смысла прогресс иметь не может, и в философии прогресса мы должны вернуться к великим идеалистам прошлого, особенно к Фихте, нисколько не изменяя традициям реалистической науки».

Но возвращение к Фихте есть форменная измена этим традициям.

Во-первых, если г. Бердяев действительный «искатель истины», если он не на словах только придерживается генетического толкования истории, то он, прежде всего, должен был бы подойти к учению Фихте, как к исторически сложившейся доктрине. Он должен был бы знать, что учение Фихте возникло среди тех общественных отношений, которые не давали интеллигенту возможности выработать себе широкое мировоззрение. Фихте жил во времена отсталого хозяйственного и общественного строя: он имел перед своими глазами только мелкое и среднее бюргерство, был окружен действительно однообразной, «серой» «мещанской» обстановкой. И его философия могла быть только протестом фи-

те, прошедшей через два этапа, характерно признание нравственного закона и рассмотрение вопроса о свободе на первом этапе и после 1780 года утверждение принципов религиозно-мистического созерцания, согласно которому целью деятельности человека является не нравственное действие, а достижение единства с абсолютом. Им написаны «Опыт критики всяческого откровения» (1791), «Философия права» (1796), «Философия нравственности» (1798), «Назначение человека» (1800).

листерства, и в своем протесте он не мог иметь никаких надежд на то, что явятся какие-нибудь прогрессивные общественные элементы, он мог опираться только на силу развитой интеллигентной личности. И он старался уверить себя, что человечество будет идти по пути прогресса, по мере того, как одна личность за другой будет воспитывать свою индивидуальность. И идеальное царство будущего Фихте представлял именно как союз отдельных развитых личностей¹⁰. И он воспел восторженный романтический гимн одинокой, прогрессирующей личности.

Г. Бердяев без всякой критики усвоил себе его романтическое мировоззрение¹¹. Конечно, подобный поступок объясняется психологическим состоянием г. Бердяева, совершенно загипнотизированного однообразно «серой» массой, не видящего вокруг себя никого, кроме лавочников, филистеров и архифилистеров; с психологической точки зрения, вполне понятно его восторженное преклонение перед мыслителем, переживавшим те же душевные настроения, как и он сам. Но как человеку науки, как «искателю истины», г. Бердяеву не извинительно находиться под влиянием гипноза

¹⁰ См., напр., «*Dei Bestimmung des Menschen*», стр. 110 (изд. Kerbacha). – Прим. В.Шулятикова. Цитируется книга Фихте «Назначение человека».

¹¹ Формулу прогресса Фихте г. Бердяев дополнил идеей немедленного перевоспитания народа в духе идеализма, заимствованный у неокантианца Наторпа. – Прим. В.Шулятикова. Наторп Пауль (1854–1924) – немецкий философ, представитель марбургской школы неокантианства, преподавал в Марбургском университете на кафедре философии.

и не делать попыток стряхнуть его с себя. Как человек науки, г. Бердяев не мог отождествлять двух нетождественных понятий, не мог восторгаться учением о прогрессе Фихте, имея в своем распоряжении новейшие формулы прогресса, выработанные на основании знакомства с развитием современной общественной жизни, не мог сопоставлять мечты об идеальном царстве Фихте и те выводы, к которым приходит реалистическая наука относительно конечных целей прогресса.

Человек «нового» времени воскресил предания романтического прошлого. Сочетание элементов, исключаящих друг друга, составляет отличительную черту его «двойственного» мирозерцания. Служение «народу» и служение «себе», альтруистические тенденции и индивидуалистические наклонности, эволюционная точка зрения и протест против «полновластия» эволюционизма остались в его мирозерцании непримиренными.

Такова философия интеллигента, стоящего «на полпути».

В. Шулятиков.

Курьер. 1901. № 201.